

Слово редактора

КТО И КАК ЧЕШЕТ НАЦИОНАЛЬНУЮ ПОХОТЬ

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье, на базе концепции Б. Андерсона, проблематизируется официальный бюрократический национализм, сложившийся в Российской империи и актуализируемый элитами современной России. Автор исходит из того, что русская нация есть воображаемое сообщество, не имеющее онтологической реальности. Она выдумана русской бюрократией и интеллигенцией и существует в однородном пустом времени. Бытие этой мнимой общности связано с комплексом политико-идеологических ритуалов, легитимизирующих деятельность политиков, госаппарата и интеллигенции России. Русский язык, официальное православие и ленинско-сталинская версия марксизма, а также их лингвистические и идеологические гибриды до сих пор выполняют роль генераторов мнимой общности русской нации.*

Ключевые слова: *нация, официальный бюрократический национализм, идеологическая бюрократия, интеллигенция.*

Мне нравится, что у народа моей страны глаза такие пустые и выпуклые... Они постоянно навекате, но — никакого напряжения в них. Полное отсутствие всякого смысла — но зато какая мощь! (Какая духовная мощь!) Эти глаза не продадут. Ничего не продадут и ничего не купят. Что бы ни случилось с моей страной, во дни сомнений, во дни тягостных раздумий, в годину любых испытаний и бедствий, — эти глаза не сморгнут. Им все божья роса...

Имеет ли рвота национальные особенности? Мысленное сравнение грузинской рвоты, извержение которой я только что недавно имел удовольствие созерцать в метро, — и этой, раскинувшейся похабно передо мной и всем своим крикливым видом с гордостью заявлявшей о своем русском происхождении, — не дало никакого положительного результата. А впрочем, легкое сходство есть... И это сходство еще раз заставило меня сожалеть о постепенном сглаживании национальных различий.

Венедикт Ерофеев

В большинстве словарей нация определяется как историческая общность людей, объединенных территорией, экономическими и политическими связями, обычаями, языком и

культурой. Нередко к этим характеристикам нации добавляют этническое происхождение. Полемика между сторонниками политического и этнического понимания нации длится давно¹. Однако оба понимания могут обслуживать интересы государственной бюрократии. Существуют ли концепции, позволяющие дистанцироваться от этих интересов не на уровне общих рассуждений, а в каждом конкретном политическом решении и его исполнении (модификации) на остальных уровнях бюрократической машины государства?

Под таким углом зрения в середине 1990-х гг. я с большим интересом и когнитивным удовольствием прочитал книгу Бенедикта Андерсона. На этой основе написал главу «Национализм» в одной из книг². В 2001 г. книга Бенедикта Андерсона была переведена на русский язык. Однако в предисловии Светлана Баньковская обходит поставленную проблему³. Между тем на протяжении нулевых годов проблема еще более обострилась. Интеллектуалы постсоветских государств разрабатывают концепции для обоснования национализма, а культурологическая, антропологическая, биологическая виды рефлексии служат для обоснования расизма⁴. Поэтому целесообразно заново перечитать книгу Б. Андерсона и выделить те ее аспекты, которые важны для анализа ситуации в современной России.

Что такое воображаемое сообщество?

Главный предмет анализа в книге Бенедикта Андерсона — истоки и процесс распространения национализма в XX в. Сегодня в бывшем СССР, Югославии продолжаются войны. Следовательно, присутствие Советской армии в странах Восточной Европы после 1945 г. предотвращало потенциальные войны между коммунистическими режимами. Роль запала в таких войнах выполнял национализм. Со времени второй мировой войны все победившие революции (в Китае, Египте, Вьетнаме, на Кубе, в Иране и т.д.), самоопределялись в национальных категориях. Вторая половина XX в. принесла с собой необычайный рост национализма. В современном мире каждый обязан иметь национальность подобно тому, как он обладает полом или цветом кожи. Правомерна ли такая претензия?

При ответе на данный вопрос Андерсон фиксирует три главных противоречия национализма: между объективно недавним (как свидетельствуют исторические данные) формированием наций и их субъективной давностью (как полагают националисты); между формальной универсальностью нации как социокультурного понятия и неизбежной партикулярностью ее конкретных проявлений; между политической силой и теоретическим бесплодием национализма.

Конструктивистское определение нации сформулировано для объяснения данных противоречий. Нация — «это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное»⁵. Наиболее распространенный

¹См.: Руткевич М. О двух концепциях нации // Свободная мысль. — 1999. — № 11.

²См.: Макаренко В.П. Главные идеологии современности. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. — С. 334—397.

³Она пишет: «Издавая книгу Андерсона в стране, где проблема национализм столь остра, соблазнительно было воспользоваться удобным случаем и высказать свои соображения о «национальном вопросе на постимперском пространстве». Но, пожалуй, более уместным в рамках общего замысла серий Центра фундаментальной социологии будет другое. «Воображаемые сообщества» — при всех недостатках, которые найдет придиричивый критик — образцовое социологическое сочинение новейшего времени». Баньковская С. Воображаемые сообщества как социологический феномен // Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. — С. 16.

⁴См.: Шнирельман В.А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. — М.: НЛО, 2006; Шнирельман В. А. «Порог толерантности»: идеология и практика нового расизма. В 2-х тт. — М.: Новое литературное обозрение, 2011.

⁵Андерсон Б. Указ. соч. — С. 30.

символ современной национальной культуры — могилы Неизвестного Солдата. В них либо никто не похоронен, либо никто не знает, кто в них похоронен. Во всех странах у этих могил происходят публичные церемонии и ритуалы. В СССР и России к ним ходят даже молодежь. Такие церемонии и ритуалы не имеют исторических прецедентов. Следовательно, исходным пунктом национальных культур является *анонимность*.

Действительно, явление смерти и бессмертия пока еще не стало предметом анализа в науке и в светских идеологиях. Между тем нация воображается как бессмертная общность. Это свидетельствует о родстве данного представления с религиозным восприятием мира. Иначе говоря, понятие нации связано с религией⁶.

Язык, религия и понимание времени — культурные корни представления о нации. Древние религиозные общности были связаны сакральными языками. Существовало убеждение в исключительной священности данного языка и связанной с ним концепции принадлежности к обществу. Сакральный писанный язык был медиумом, с помощью которого воображались общества древности. Их появление связано с выработкой убеждения в том, что знак — это нечто необходимое, а не случайное. В древних языках (китайском, арабском, латинском) любые идеограммы воспринимались как отражение действительности, а не как произвольная репрезентация. Грамотные люди — это стратегический слой в космологической иерархии, на вершине которой находится божество.

У современных наций нет священных языков. Знак не рассматривается как отражение действительности и не обладает свойством необходимости. Но в современных обществах грамотные люди образуют слой теологической технократии. Она связывает в своей деятельности язык религии и язык науки. Образцом здесь является язык юристов и экономистов. Эти профессиональные группы сознательно усложняют язык, претендуют на его всеобщность для повышения своего социального статуса, хотя юридический и экономический язык не имеет онтологических коннотаций.

Не менее важные различия связаны с пониманием времени. В Средние века каждый момент настоящего понимался как одновременное существование множества событий. Он связывал прошлое с будущим. В Новое время появилось представление о единообразном пустом времени. Теперь настоящее осознается как поперечный разрез времени, не рассматривается как пролог будущего, измеряется календарем и часами. Изобретение книгопечатания дало для воображаемой (или мнимой) общности нации техническое средство репрезентации. В Новое время появилась также концепция социального организма, существующего в однородном пустом времени. Эта концепция первоначально была сформулирована в консерватизме. А затем стало основанием для представления о нации как постоянной общности, движущейся в истории.

Так были созданы интеллектуальные и технические предпосылки современных представлений о нации. Сама возможность мышления о ней как о некоей онтологической данности сформировалась в европейской цивилизации в период, предшествующий Просвещению. Тогда же рухнули три концепции, существовавшие в европейской культуре на протяжении тысячелетий: 1. Писанный язык дает доступ к онтологической истине и является ее элементом. Эта идея способствовала созданию надконтинентальных мировых религий. 2. Общество

⁶По мере секуляризации не исчезают, а увеличиваются страдания, для утolenия которых прежде использовалась религия. По мере распада образа небесного (в христианском мировоззрении) и земного рая (в либерализме, марксизме и социализме) неизбежность смерти начинает восприниматься и осмысляться как произвол. В светских идеологиях спасение души рассматривается как абсурдное утверждение. На этой основе возникает необходимость в другом понимании преемственности. Речь идет о светском преобразовании неизбежной смерти в бессмертие и придании смысла случайности. Понятие нации служит такому преобразованию. В этом понятии переплетены эсхатологические и традиционные аргументы.

организовано вокруг священного центра — монарха. Ему приписывались сверхъестественные свойства, которые отличали его от всех остальных людей. Они были основанием для управления другими людьми на основе космического (божественного) согласия. 3. Космологическое время не отличается от исторического, а начало мира тождественно началу человеческой истории.

Эти концепции укореняли человеческую жизнь в природе вещей, придавали смысл существованию человека, включая страдания, необходимость подчиняться власти и смерть. Все концепции гарантировали спасение души.

По мере распада и отмирания данных концепций начался интенсивный поиск нового способа связи братства, власти и времени: «Ничто так не способствовало ускорению этого и не делало его столь плодотворным, как печатный капитализм, открывший для быстро растущего числа людей возможность осознать самих себя и связать себя с другими людьми принципиально новыми способами»⁷. Производство книг и газет как товара — главный источник национального сознания и ключевое событие в появлении новой концепции времени. Возникла возможность горизонтального структурирования обществ в однородном пустом времени. Нация стала одним из них.

Важную роль сыграли еще несколько факторов: изменение характера латыни; Реформация, влияние которой было связано с производством книг; специфика капиталистического производства и обмена; стремление монархов к абсолютной власти⁸. Последний фактор наиболее важен для появления наций. Он способствовал распаду мнимых общностей мировых религий. Выбор официальных языков во множестве стран был постепенным процессом, обусловленным прагматическими и случайными обстоятельствами. Официальными становились языки, использование которых соответствовало интересам государственной бюрократии и возникающей интеллигенции.

Данные факторы наиболее ярко проявились в появлении газет и профессии журналиста. Газета как продукт современной культуры есть *фикция*. Литературная конвенция газет — монтаж абсолютно не связанных между собой лиц и событий. Произвольность их сосуществования на страницах газеты свидетельствует, что связь между ними является вымышленной. Это обусловлено двумя причинами:

1. Сосуществованием во времени разнородных событий. Их связь определяется датой выхода газеты. Все они располагаются в однородном пустом календарном времени, в котором существует весь современный мир.

2. Связью между газетой и рынком. Книга — первый массовый товар нового времени. Газета — предельный случай книги. Она производится и продается массовым тиражом, но ее актуальность моментально исчезает.

Газета — бестселлер-однодневка. Уже на следующий день она теряет актуальность. Тем самым в газете реализуется разрыв между прошлым и будущим. Дезактуализация есть причина того, что массы людей потребляют газету как фикцию. Одновременное потребление этой фикции приобретает характер массового квазирелигиозного ритуала. Уже Гегель отмечал, что для современного человека чтение газеты заменяет молитву.

⁷Андерсон Б. Указ. соч. — С. 59.

⁸Церковная латынь обладала статусом Священного Писания и была эзотерической. Благодаря переводу античных авторов латынь становилась менее церковной и более светской, экзотерической с точки зрения содержания и языка. То же самое относится к святоотеческим писаниям православия. Лютер — первый в истории автор бестселлеров, поскольку он перевел Библию на родной язык. Его произведения продавались огромными тиражами. Вслед за ним пошли другие вожди Реформации. Они начали небывалую пропагандистскую войну за умы людей. И подготовили читателей своих трактатов к религиозной и политической борьбе. Идеологическая борьба XIX-XX вв. — продукт религии. Тогда как монархи использовали автохтонные языки для централизации управления. Появление официальных (правительственных) языков — следствие печати и Реформации.

Смысл ритуала парадоксален. Он осуществляется в одиночестве, в тишине духа и закоулках сознания. Человек при потреблении газеты отделяется от других. Одновременно он знает, что в церемонии участвуют миллионы людей. Читатель газеты не сомневается в их существовании, но не имеет ни малейшего представления об их индивидуальном своеобразии. Наш современник постоянно видит и слышит, что другие люди тоже читают газеты. Тем самым он постоянно убеждается в том, что мнимый мир укоренен в повседневности: «Вымысел бесшумно и непрерывно проникает в реальность, создавая ту замечательную уверенность сообщества в анонимности, которая является краеугольным камнем современных наций»⁹. Сфера воздействия фикции расширилась до громадных размеров по мере изобретения радио и телевидения. В этой церемонии и *состоит бытие воображаемого сообщества нации в историческом времени*.

Таким образом, языки печати создали область коммуникации, которая располагалась между латынью и разговорными языками. Читатели одних и тех же текстов становились зародышем мнимых национальных общностей. Печать способствовала стабилизации языков и создавала единый образ прошлого. Он имел фундаментальное значение для генерирования субъективной идеи нации. Эта идея связана с языком власти. Печать и создала этот язык, который отличался от прежних родных языков.

Здесь можно сформулировать первый промежуточный вывод. В национализме обычно подчеркивается первичность языка и его необходимая связь с территориальными общностями, государствами и сознанием. Конструктивистская концепция нации позволяет отвергнуть, эту связь и одновременно описать ее как ложную, вымышленную, анонимную: «Иначе говоря, конкретные территориальные очертания нынешних национальных государств никоим образом не изоморфны установленным границам распространения тех или иных печатных языков»¹⁰.

Бюрократические миры

Тезис о противоположности между языком и территорией Андерсон иллюстрирует процессом появления государств в Западном полушарии в 1776—1838 гг. Эти территории первыми определили себя как нации. Они выработали образцы современного государства. Значительное число и недавнее происхождение государств Северной и Южной Америки дает возможность для сравнения. Эта процедура необходима для *дистанцирования* от европоцентризма при объяснении генезиса наций и национализма. Существенное значение при этом имеют следующие факты: возникающие государства прежде были колониями европейских стран (Англии, Франции, Испании); однако в колониях и метрополиях использовался один язык; язык не был предметом спора в борьбе за освобождение (как это было в Европе); генезис национализма в Америке не был связан с политической эмансипацией угнетенных классов.

Указанные отличия Америки от Европы позволяют сформулировать исходные вопросы: почему в обществах креолов концепция нации возникла раньше, нежели в Европе?¹¹ почему административные единицы становятся родинами и в этом качестве приобретают смысл для людей?

⁹Там же. — С. 58.

¹⁰Там же. — С. 69.

¹¹Дело в том, что в испанских колониях коренное население не говорило по-испански. Однако креолы рассматривали аборигенов как соплеменников, а Испанию считали врагом, хотя и были связаны с ней происхождением и языком. Каждая из южноамериканских республик в XVI-XVII вв. была административной единицей метрополии.

Для ответа на эти вопросы Андерсон использует концепцию Виктора Тернера, в которой путешествия описаны как разновидность осмысления опыта во времени, пространстве и статусе.

Все путешествия требуют истолкования. Так, путь от рождения к смерти породил разные религиозные концепции. Но они оставались в сфере сознания до тех пор, пока не породили социальный феномен паломничества — путешествия к святым местам¹². До появления печати убеждение в том, что религиозная общность является реальной, а не мнимой, зависело от бесчисленных паломников. Все они более-менее повторяли идеи джихада или крестового похода. Это тоже свидетельствует о том, что язык не является признаком нации (подобно песне, танцу, одежде и флагу). Значительно важнее способность языка создавать мнимые общности. Язык никогда не был средством исключения индивида из общины, поскольку каждый человек может научиться любому языку. Язык — это средство связи индивидов. Оно ограничено лишь эффектом Вавилонской башни: никто не живет так долго, чтобы выучить все языки.

Абсолютные монархии и империи возникали как светские эквиваленты религиозных паломничеств. Абсолютизм стремился создать унифицированный государственный аппарат, в котором были слиты власть и управление. Такая унификация была необходима для постоянного обмена лиц, документов и контроля над управлением. Члены аппарата обязывались быть лояльными монарху, а не партикулярным интересам феодальной аристократии. Обмен лиц обеспечивался рекрутацией новых людей. Они не обладали личной властью, а представляли только волю монарха. Тем самым путь чиновника принципиально отличался от пути аристократа¹³.

Путь чиновника определялся его способностями и умениями, а не смертью предка. Центр всегда находится перед глазами чиновника как вершина карьеры, а не точка в пространстве. Чиновник движется по серпантину и надеется на то, что путь будет сокращаться по мере приближения к вершине¹⁴. В этом путешествии у него нет никакого гарантированного постоянного места. Каждая остановка (должность и жилье) является временной. Заветная надежда чиновника — умереть в своей постели, поскольку у него нет дома. На пути карьеры он встречается с честолюбивыми коллегами. Они происходят из захолустных мест и художественных семей, которых никто не видел и не слышал. Встреча с товарищами по путешествию порождает у чиновника чувство братства: кто мы такие, куда идем и почему собрались вместе? Эти вопросы являются мировоззренческими. Для ответа на них конструируются целые религиозные и философские системы. Во всех случаях они призваны объяснить опыт административных кочевников-бродяг. Этот опыт порождает чувство братства. Оно укрепляется, если чиновники объясняются на одном языке.

Итак, обмен чиновников является нормой, объяснение которой содержится в идеологии имперского абсолютизма. Она вырабатывается монархом и административным аппаратом. Обмен лиц дополняется обменом документов, чему способствует принятие унифицированного государственного языка. Такой язык обладает монополией на определенной территории. К

¹²Хореография великих религиозных паломничеств всегда обладала двояким смыслом. С одной стороны, есть громадная толпа неграмотных, говорящих на родных языках и образующих физическое тело общины паломников. С другой стороны, есть горстка образованных людей, которые владели двумя языками, представляли отдельные общины, осуществляли объединительные церемонии и толковали землякам их совместное поведение.

¹³Путь аристократа означает, что наследник после смерти отца поднимается на ступень выше и занимает его место. Для формального закрепления права наследства следует сделать путешествие в центр по инвестиру, а затем вернуться назад.

¹⁴Назначенный в город А в ранге Б, он может вернуться в столицу в ранге В, чтобы затем оказаться в провинции Г в ранге Д, а в конце путешествия опять оказаться в столице в ранге Е.

нему относятся все особенности монополий. Поэтому автохтонные языки способствовали централизации власти. Они затрудняли переход от одного монарха к другому.

Короче говоря, заморская экспансия монархий в раннем средневековье должна была привести к появлению трансконтинентальных бюрократий. Однако этого не произошло: «Инструментальная рациональность абсолютистского аппарата — и прежде всего, свойственная ему тенденция рекрутировать и продвигать людей по службе на основании их талантов, а не рождения, работала за пределами восточного побережья Атлантики лишь с очень большими сбоями»¹⁵. Почему же так случилось? Дело в том, что исключение вероисповедных групп из административной иерархии способствовало развитию национализма в Европе¹⁶. В Америке такого исключения не было, поскольку одна и та же религия (католицизм или протестантизм) связывала колонии с метрополией. Зато существовали другие ограничения. Креолы могли занимать административные должности только в колониях и никогда не могли попасть в столицу империи (т.е. в Мадрид)¹⁷. Хотя не было никакого различия между испанцами и креолами с точки зрения языка, религии, происхождения и обычаев.

Стало быть, не просто возможность занимать должность в госаппарате, а гарантия достичь вершины бюрократической карьеры (вероятность жительства и должности в столице) есть существенный критерий генезиса национализма. Питательная почва роста национализма — *появление слоя людей, которые не могут дослужиться до высших чинов в империи*¹⁸. Административные аппараты империй связывают различные социально-экономические отношения (стадии, фазы) и способствуют генезису национальных идеологий. В то же время аппараты оставляют неизменными структуру властных отношений. Рост числа «лишних людей», которые не могут удовлетворить свои административные амбиции, выразился в появлении евро-американцев, евроазиатов и евроафриканцев как особых социальных групп. Их появление стало основой, на которой расцвел стиль мышления, предвосхищающий современный расизм.

Теоретической предпосылкой такого расизма были утверждения Руссо и Гердера: климат и другие элементы среды обитания оказывают решающее влияние на человеческий характер и культуру. Эти теории были известны в метрополии. Но из них был извлечен политический вывод: рожденные в заморских странах креолы уступают жителям метрополии по характеру и культуре и не годятся для выполнения высших государственных должностей.

Следовательно, при анализе источников национального сознания надо учитывать роль официальных государственных языков, специфику административных путешествий и возможность дослужиться до высших постов в метрополии. Если эта возможность закрыта, возникают идеологии, отражающие генезис *двойной идентичности* членов имперского административного аппарата. Эти факторы определили бюрократические миры в Северной и Южной Америках. Но они не имели значения до тех пор, пока территория власти колониальной

¹⁵Там же. — С. 80.

¹⁶Показательным примером является Англия, в которой до 1829 г. католикам было запрещено занимать должности в административном аппарате. Это способствовало развитию ирландского национализма.

¹⁷«В ходе этого тернистого паломничества он сталкивался с компаньонами-по-путешествию, и у них стало складываться ощущение, что их товарищество базируется не только на особых пространственных границах этого паломничества, но и на общей для них фатальности трансатлантического рождения». Там же. — С. 81.

¹⁸Креолы были высшим слоем в колониях и располагали политическими, военными и культурными средствами власти. Верховная власть могла их подчинять и использовать, но от креолов зависела стабильность империи. Следовательно, значение центрo-периферийных связей в колониальных империях и положение аристократии при феодализме было аналогичным. Аристократия была основанием и одновременно угрозой власти короля: «Хрупкое равновесие между полуостровным чиновником и креольским магнатом было, таким образом, выражением старой политики *divide et impera* в новой обстановке». Там же. — С. 82.

администрации не стала представляться ее членам как нация. Генезис данного представления связан с появлением американских газет.

Три модели

В Америке печать не развивалась до тех пор, пока газета не стала новым источником доходов. Он принадлежал владельцу типографии. Профессия печатника-журналиста — типично американский феномен. Главная проблема этой профессии — поиск читателей как потенциальных потребителей товара. Поэтому печатники-журналисты входили в альянсы с чиновниками. Тем самым двойная идентичность местной бюрократии переплелась со становлением нового профессионального слоя. Газетно-бюрократические борзописцы приветствовали идеологию Просвещения. Она позволяла квалифицировать печатников-журналистов (заинтересованных в доходах) как лиц «интеллигентной профессии». И выдвинуть лозунг «свободы печати» для маскировки материальных интересов этого слоя¹⁹.

Асимметрия событий (обусловленная отношением центра и периферии) — следующая характеристика газеты. Она тиражировалась во всех колониях. И потому газета инициировала множество провинциальных миров: «Сама концепция газеты предполагает преломляющее преобразование даже «мировых событий» в специфический воображаемый мир местноязычных читателей»²⁰. Отсюда вытекает двойственность испано-американского национализма — универсальность и локальность. Решающая роль в его создании принадлежит чиновникам и журналистам.

Вторая модель национализма возникла в Европе и состояла в использовании автохтонных языков. В Америке язык не был фактором становления национальных государств. В Европе местные языки сыграли важную политико-идеологическую роль. На протяжении столетия (1820 — 1920 гг.) они изменили политическую карту Европы. Кроме того, все европейские движения опирались на модель французской революции. Она выдвинула универсальные лозунги свободы, равенства и братства. Представление о нации возникало в этом контексте: «Нация» оказалась изобретением, на которое невозможно было заполучить патент. Она стала доступным предметом для пиратства, попадавшим в очень разные, иной раз самые неожиданные руки»²¹.

Все утопии Нового времени не формулировались в языке «потерянного рая», а изображались как современные общества, расположенные в ином пространственно-временном континууме. Европейский национализм развивался параллельно с организацией школ и университетов, в которых он находил сознательную поддержку. Поэтому основателями первых националистических движений в Европе были *историки*. Общество читателей их трудов вначале ограничивалось аристократией, землевладельцами, дворянами и клиром. Эти слои обла-

¹⁹Специфика первых американских газет состояла в том, что они давали информацию из метрополии о ценах товаров в портах, времени прихода и ухода кораблей, о местных назначениях, браках богатых людей и т.д. Газета порождала чувство принадлежности к воображаемому обществу читателей и гордости от сопричастия к обществу грамотных. Это общество было связано с существованием королей, епископов, кораблей, цен на рынке, браков, назначений и т. п. Конечно, местные купцы могли читать центральные газеты из Мадрида, Парижа и Лондона. Но они ничего не говорили об окружающем мире. С другой стороны, местные чиновники не читали местных газет, поскольку в них ничего не сообщалось о бюрократическом мире центра. Иначе говоря, в основе связи событий на страницах газеты лежала структура имперской колониальной администрации и возникающая рыночная система.

²⁰Там же. — С. 86.

²¹Там же. — С. 89.

дали экономической, социальной и духовной властью. Затем к ним присоединились купеческая и промышленная буржуазия, мелкие чиновники и интеллигенция.

После Венского конгресса в Европе на протяжении XIX в. не было больших войн, зато резко стали увеличиваться расходы на содержание гражданской и военной бюрократии. В этом отношении Россия опередила другие страны, поскольку уже к началу XIX в. ее бюрократия начала воспроизводить саму себя²². Россия навязала другим странам это правило после победы над Наполеоном. Рост бюрократии в Европе был связан с дифференциацией государственных ведомств и снятием сословных ограничений при наборе в госаппарат. Наиболее важная особенность политического развития Европы в XIX в. состоит в том, что рост бюрократии был плавным процессом. Существенного различия между развитыми и отсталыми странами с точки зрения роста госаппарата не было, тогда как развитие купеческой и промышленной буржуазии было крайне неравномерным. Но во всех странах этот процесс был связан со становлением местной печати.

Это явление квалифицируется как филологическая революция. Она затронула все европейские страны. Добуржуазные правящие классы культивировали конкретную солидарность на основе кровного родства, клиентелы и личной лояльности. Тогда как солидарность буржуазии была абстрактной и базировалась на мнимых основаниях денег и грамотности. Остальные классы общества были потенциальными сторонниками филологической революции.

В европейских государствах сознательный национализм появился среди читателей, для которых официальный язык не был родным. Возникающая национальная интеллигенция приглашала массы к участию в истории. Приглашение было написано на языке, понятном массам. Произошел сплав модели революции с неофициальными языками. Этот феномен был эквивалентом средиземноморского пиратства. Миллионы печатных слов сформировали опыт французской революции. Эти слова были затем преобразованы в написанную *концепцию-образец*. Его «объективность» уже никто не ставил под сомнение, поскольку целые поколения обсуждали вопросы: почему революция случилась, к чему стремилась, почему вначале победила, а затем закончилась крахом? Эти вопросы стали предметом бесконечных полемик друзей и врагов революции, вплоть до настоящего времени. Тем самым случайное историческое явление приобретало свойства объективного, необходимого и причинно обусловленного. Едва о движениях за независимость в Америке было написано, как они тоже стали концепциями-образцами.

Так возникла модель независимого национального государства, которое может быть установлено в результате революции или борьбы за национальное освобождение. В середине XIX в. (период «весны народов») эта модель стала предметом всеобщего эпигонства. Европейский национализм — следствие соединения всех качеств мнимой общности, возникших в Америке и в Европе. За его реализацию взялась германская и итальянская интеллигенция — слой образованных маргиналов, связанных родными языками.

Третья модель — это официальный бюрократический национализм. Он связал принцип монархии с господством над многоязычным населением. Данная модель возникла в Российской империи, хотя некоторые элементы использовались и в Австро-Венгрии. Образцом стала царская русификация, при которой выбор государственного языка определялся административными соображениями, бессознательным наследованием и меркантильными мотивами госаппарата России. Речь идет обо всех попытках одеть империю в куцую национальную одежду. Официальный бюрократический национализм связал многочисленные народы с господствующей династией. Он сформировался в России в ответ на «вызов Запада» — революционные и национальные движения в Европе. Официальный бюрократический национа-

²²См.: Писарькова Л.Ф. От Петра 1 до Николая 1: политика правительства в области формирования бюрократии // Отечественная история. — 1996. — № 4.

лизм — это опережающая стратегия, которая применяется правящими группами в том случае, если им угрожает маргинализация или исключение из мнимой общности нации.

Россия в период от завершения Крымской войны и до распада СССР — наиболее показательный пример официального бюрократического национализма. Российские чиновники и промышленники пользовались огромными привилегиями, которые давало им царское правительство и расширяющийся рынок. Европейские и американские промышленники создавали свое дело сами и никогда не поддерживались правительством в такой степени, как в России. Одновременно грамотные люди в России целиком отчуждались от родного общества. Становились социальными, моральными и политическими париями. В своей стране они были более чужими, чем иностранцы. Перед ними существовало только два пути социального продвижения: либо стать чиновниками разветвленной бюрократической машины государства; либо ниспровергнуть существующий порядок вещей.

Первый путь был значительно легче и проще второго. К тому же он поддерживался другими факторами: всеобщее принудительное образование, контролируемое государством; монополия правительства на пропаганду; официальная разработка и переработка истории страны; милитаризация; постоянное подчеркивание правительством идентичности принципа монархии с принципом национальности; лишение наследства большей части дворянства после реформы 1861 г. В результате перед русским дворянством оставался единственный путь — служить по военному или гражданскому ведомствам²³.

Таким образом, русская модель национализма была *синтезом* американской и французской. По мере развития капитализма в России государство умножало свои функции. Этот процесс породил русифицирующие системы образования. Они готовили кадры для государственной службы и промышленности. Система образования в России всегда была централизованной и единообразной. Она определяла трассы путешествий возникающей русской интеллигенции. Эти трассы стали параллельными с путями административной карьеры. Но в любом случае столица империи (Москва, Петербург) оставалась Римом, в который ведут все дороги. *Перекрещивание трасс бюрократии и интеллигенции стало территориальным основанием мнимой общности русской нации.* Лишь затем территориальный принцип вошел в число свойств нации.

Российская империя допускала аборигенов в школы и государственные учреждения. Но путь в министерские кабинеты и конференц-залы, в которых обсуждались и принимались важные политические решения, для них был закрыт. Это привело к тому, что главными представителями национализма в России (кроме автохтонных русских) стали одинокие двуязычные интеллигенты — русско-украинские, русско-грузинские, русско-польские, русско-татарские и т.д. Они никак не были связаны с возникающей национальной буржуазией, которая в России генерировалась из старообрядцев. Эти интеллигенты усваивали, адаптировали и развивали политические доктрины, вытекающие *из всех моделей национализма.* Но официальный бюрократический национализм в России всегда и везде преобладал. На этой почве воз-

²³Этот путь способствовал *отождествлению* национальных интересов России с ростом бюрократии. Многонациональное государство становилось спасением, поскольку оно оправдывало рост синекур. Данная тенденция переплелась с практическими потребностями Российской империи. Россия всегда была слишком большой для того, чтобы ею могла управлять горстка чиновников из центра. Русские наместники и губернаторы стали питательной почвой для генерирования таких тенденций децентрализации и производства региональных идеологий (различные варианты «областничества»), которые лишь укрепляли бюрократический характер государства. С другой стороны, мнимая общность русской нации была выколдована печатью. Вслед за историками Европы русские историки XIX в. (особенно так называемая «государственная школа») конструировали прошлое страны в виде истории государства, главным элементом которой полагались «великие люди» и «великие события». Тем самым прошлое России воспринималось как история господствующих династий.

ник раскол двуязычной интеллигенции с анархистами, которые первыми заметили, что эта интеллигенция предлагает прежнее господство под вывеской национального государства.

Этот процесс был усилен развитием технических и интеллектуальных средств коммуникации. Благодаря им интеллигенция нашла пути обхода официальной печати. Она изобрела лозунги «расизма» и «патриотизма», которые могли пропагандироваться как среди неграмотных, так и среди публики, читающей на двух и более языках. В этом отношении Россия — один из наиболее показательных примеров национализма.

Российский эталон

Указанные модели национализма были и остаются различными способами связи бюрократии и интеллигенции. Бюрократический национализм Российской империи и СССР синтезировал их и на протяжении XX в. переплелся с последствиями революций.

Последствия революций

В 1917 г. в России произошла революция, и теперь ее схема начала накладываться на модель французской революции. В обоих случаях процессы освобождения и закабаления наций были связаны с авангардной ролью интеллигенции. Она умела говорить и писать на двух языках. Поэтому воспроизвела древнюю функцию предводителя паломников, который брал на себя обязанность довести их до «святых мест». Интеллигенция пользовалась также печатными текстами как наставлениями для практических действий. Это обеспечило бытие нации в однородном пустом времени. В результате возникла имперская система образования.

На всем протяжении истории России XVIII — XX вв. государственные школы были централизованной иерархической системой. Она структурно соответствовала системе государственной бюрократии. Путешествие в столицу за образованием было и остается параллельным пути чиновничьей карьеры. Продолжает существовать также особое министерство просвещения, бесконечно регламентирующее программы обучения. Кроме того, образовательная политика России при царе и большевиках была направлена на две цели:

1. Разрыв политических и культурных связей между населением империи и ближайшими соседями. Из-за этого жители России практически не имеют никакого представления и не интересуются спецификой культур прилегающих наций.

2. Производство строго определенного числа аборигенов, говорящих и пишущих на официальном языке. Из них создавались «национальные элиты», заслужившие доверие правительства. Эти люди занимали должности в администрации и на промышленных предприятиях, создаваемых государством.

С одной стороны, такая политика способствовала росту национального сознания многочисленных народов, населяющих Российскую империю в ее монархической и советской формах. С другой стороны, позиции бюрократии в России были всегда сильны. Ни одна революция и политическая реформа пока еще не смогли ослабить и подорвать роль государственного аппарата в социальной жизни. Поэтому национальное сознание переплелось с бюрократическим национализмом. На окраинах империи он становился еще сильнее по той причине, что имперская система образования создавала единообразную иерархию, пронизывающую отношения, сознание и поведение людей. Тем самым консерватизм становился компонентом менталитета образованных людей. Москва на протяжении всей истории завоевывала, присоединяла или превращала в сателлиты прилегающие государства. Но для знати этих госу-

дарств шанс попасть в центральные привилегированные учебные заведения был гарантией чиновничьей, научной и политической карьеры. Поэтому *манипулятивная роль столицы в России возросла непомерно*²⁴.

Развитие коммуникаций — еще одно следствие революций. Печать, радио, телевидение, компьютеры постоянно увеличивают число потенциальных сторонников воображаемого сообщества нации. Теперь к ним относятся не только неграмотные паломники, но и блестяще образованные люди. Тем самым описанные схемы национализма в XX в. приобрели характер образцов. Сегодня интеллигенция и политические деятели всех стран могут: создавать военные и образовательные системы по стандартам русского бюрократического национализма; внедрять избирательные и партийные системы и проводить культурную политику по образцам европейского национализма; применять в тех же целях республиканские идеи Америки; создавать бесконечное число идеологических гибридов для обоснования любых поворотов в политике. Но в любом случае политика современных правительств остается всеядной и эпигонской²⁵.

Показательными примерами политического эпигонства являются два процесса: 1. Политическая история СССР и других социалистических государств. 2. Национализмы, связанные с деколонизацией Азии, Африки и Латинской Америки после второй мировой войны.

Подражание образцу французской революции породило множество доктрин абстрактного и безличного государства, которое может наследоваться другими странами в ходе истории. Идея безличного государства переплелась с опытом Октябрьской революции в России и возникшего на ее основе национализма. Этот опыт осознавался в рамках теорий марксизма и капитализма. Данные теории всегда были предметом пиратских набегов со стороны марксистских интеллектуалов и политиков. В результате возникла *главная аномалия советского государства*: оно считалось «передовым» с теоретической и политической точек зрения; одновременно было «отсталым» с эмпирической точки зрения (из-за низкой производительности труда, нищенского уровня жизни населения, устарелой техники, неосвоенности громадного пространства государственной территории, элементарной антисанитарии и т.п.). Для устранения этой аномалии советские интеллектуалы и политические деятели использовали модель бюрократического национализма.

До революции он был защитной политикой, обусловленной воспроизводством имперско-династических интересов России в период бурного развития капитализма. После революции эта политика стала агрессивной и начала выполнять роль образца. Ее архетипом были военные реформы Пруссии, заимствованные Советской Россией. После второй мировой войны данный образец и архетип были навязаны странам Восточной Европы, находящимся под советской оккупацией. *Бюрократический характер — главная особенность национализма, сложившегося в СССР*. Он был продуктом деятельности советского партийно-государственного аппарата и служил его интересам.

²⁴Все люди с амбициями стремились попасть в столицу. Столичная администрация либо не вынуждала лиц, получивших образование, вернуться в родные места, либо бесконечно регламентировала правила проживания в столице, либо заставляла приспособляться провинциалов к паутинной сети столичных интриг в целях карьеры. Это создало еще одно направление бюрократической деятельности и способствовало выработке типично имперского стереотипа: столица — это общая социальная и политическая сцена, на которой интеллигент и чиновник могут и должны сыграть свою роль. Этот стереотип еще более усилил связь русской интеллигенции с русской бюрократией.

²⁵«Сама идея «нации» прочно угнездилась ныне практически во всех печатных языках; а *национальность* (курсив Б.Андерсона, — В.Макаренко) стала практически неотделимой от политического сознания. В мире, где всепреобладающей нормой стало национальное государство, все это означает, что теперь нации могут представляться в воображении и при отсутствии языковой общности..., а на основе общего сознания того, возможность чего доказала современная история». Там же. — С. 153—154.

Бюрократический национализм стал значимым с того момента, когда русские революционеры взяли власть в свои руки и использовали силу государства для реализации собственных социальных проектов. Значение бюрократического национализма тем больше, чем более радикальные революционеры наследуют государство от рухнувшего режима. А русские большевики как раз отличались радикальностью. И хотя часть наследства имела символический характер, отсюда не вытекает его незначительность.

Так, столица РСФСР была перенесена из Петербурга в Москву — старую царскую столицу, хотя существовали и другие возможности. Руководители СССР и сегодняшней России заседают в Кремле — старой царской крепости. Еще не было ни одного правительства социалистических стран, которое после революции не взгромоздилось бы за нагретые столы своих предшественников. Победившие революционеры наследуют также весь хлам старого государства: чиновников, доносителей, архивы, досье, законы, финансовые документы, переписи населения, карты, трактаты, дипломатическую и внутривластную переписку и т.д. В результате советское государство приобрело все характеристики империи.

Существует два способа воплощения в жизнь бюрократического национализма после революции:

1. Новые лидеры отождествляют себя с прежними «строителями-реформаторами государства» (Ленин ссылался на опыт Петра I, Сталин — на Ивана Грозного, Мао Цзэдун — на Цинь Шихуана, Тито реанимировал церемониал сербских королей и т.д.).

2. Новые лидеры приспособливают мнимую национальность прежней династии к интересам правительства и государственного аппарата.

Оба способа ведут к тому, что отличительной чертой всех политических режимов, установившихся после революций XX в., стал государственный макиавеллизм. Чем более древнее государство подвергается натурализации, тем охотнее революционеры переодеваются в его одежду. Но она становится уже признаком власти, а не почестей (как было при феодализме). В результате консерватизм становится органической частью деятельности и мышления революционеров. Бюрократизация государства выступает в единстве с терроризацией населения и персонификацией власти. Все тенденции могут выступать в единстве или чередоваться в зависимости от политической конъюнктуры.

Опыт распада СССР и социалистического лагеря в целом показывает, что государственный макиавеллизм наследуется новыми лидерами России и других государств СНГ. В результате войны между бывшими социалистическими странами и республиками стали кабинетными. Народный национализм используется для защиты всего комплекса ранее описанных представлений и стереотипов деятельности и мышления. Но теперь они выступают в институционализованной форме. Свидетельство тому — организация структур по делам национальностей и национальной политики в институтах исполнительной и законодательной власти.

Опыт стран Азии, Африки и Латинской Америки был иным по сравнению с политической историей СССР. После деколонизации эти страны накрыла волна национализма. Она была реакцией на модификации глобального империализма и успехи капиталистической промышленности. По мере распространения печати капитализм способствовал развитию народного национализма в Европе и в других странах. Она была связана с языками, распространенными на определенных территориях. Языковой национализм подрывал династический принцип легитимизации власти. Правящие группы были вынуждены искать другие принципы. Для этого использовались концепции патриотизма и расизма. Они были выработаны в конце XIX в. как идеологические следствия бытия мнимой общности нации.

Патриотизм и национальные интересы

Патриотизм — это разновидность политической любви, природа которой определяется способом описания ее предмета. Для этого обычно используются термины «родина», «отчизна», «отечество» и т.д. Они означают отношения родства и места жительства. Речь идет о естественных связях человека, в отношении которых его выбор никогда не может быть свободен: «Тем самым *национальность* (курсив Б. Андерсона, — примеч. В. Макаренко) уподобляется цвету кожи, полу, родословной или эпохе, в которую довелось родиться, т.е. всему тому, что не дано изменить... Иначе говоря, именно потому, что эти узы не выбирают, они и окружены ореолом бескорыстной преданности»²⁶.

Феномен незаинтересованного восприятия родины переплетен с аналогичным восприятием семьи. На протяжении XX в. семья как социальный институт была предметом психоаналитических (З. Фрейд), этнологических (К. Лоренц), социокультурных (В. Райх, М. Фуко) и антропологических (К. Леви-Стросс) исследований. В результате сформулирован однозначный вывод: семья — это структура господства, которое может принимать *форму самой худшей тираннии*, выступая одновременно носителем асоциальных и антиобщественных тенденций. Однако этот вывод пока остается чуждым большинству людей, хотя он подтверждается также феминистскими исследованиями. Семья по-прежнему рассматривается большинством людей как пространство незаинтересованной любви и солидарности, как ячейка общества и государства. В этом и состоит один из парадоксов современного общества.

Второй связан с понятием национальных интересов. Политики, дипломаты, историки, социологи, журналисты уже давно используют это понятие как *норму* отношений между государствами и внутри государств. Ее основанием является понятие «государственный разум», включающее своекорыстие, властолюбие и стремление к духовному господству. Однако для большинства людей национальная принадлежность воплощает незаинтересованность. Именно по этой причине «нация» может требовать жертв. А идея жертвенности всегда была связана с идеей чистоты. Мировые религии связали и транслируют эти идеи. И даже официальный атеизм государства не в состоянии разорвать эту связь. Наоборот, он их усиленно эксплуатирует.

Об этом свидетельствует опыт войн XX в. В них было убито и искалечено (телесно и духовно) наибольшее число людей по сравнению со всей предшествующей историей. Была достигнута также беспрецедентная готовность индивидов и целых популяций отдавать жизнь «за Родину». Одновременно после первой мировой войны в европейских странах получил распространение феномен литературы «потерянного поколения». После второй мировой войны он проник и в СССР. Его суть в том, что война осознается как критерий чистоты человеческих отношений и чувств. А на самом деле национальные интересы скрывают горы трупов, принесенных на алтарь государства. Таков результат отождествления нации с интересами государственного аппарата.

Патриотизм не в состоянии понять эти парадоксы. Само его распространение на протяжении XX в. свидетельствует о небывалом расширении феномена *непроницаемого сознания*. Оно остается глухим к последовательно рациональным формам рефлексии. Социальные институты от семьи и гражданского общества до государства лишь закрепляют эту непроницаемость. Поэтому представление о нации транслирует религиозные стереотипы мышления и воплощает их в действительность посредством многообразной институционализации.

²⁶Там же. — С.161.

Трансляция осуществляется с помощью языка. Дату рождения любого языка установить невозможно. Она скрыта в неизвестном прошлом. Язык эмоционально связывает каждого индивида с мертвыми поколениями. Он становится духовно-эмоциональным свидетельством одновременного присутствия всех поколений в однородном пустом времени. Эмоциональные аспекты языка связаны с тем, что процедура чтения поэтических текстов, пения песен, исполнения национальных танцев и гимнов есть воплощение мнимой общности в настоящем. Об этом свидетельствует только язык. Народные песни и государственные гимны банальны по содержанию и пусты по мелодии. Их исполнение есть опыт одновременного пребывания группы людей (певцов, музыкантов, слушателей) в однородном пустом времени. При этом людей ничто не связывает, кроме воображаемых звуков и связанных с ними эмоций. Вся эта бестелесная материальность моментально пропадает после завершения духовных и светских песнопений, используемых в любых коллективных церемониях.

Парадокс патриотизма состоит в том, что объект привязанности приобретает качества анонимного вымышленного предка (родственника). С этой точки зрения «любовь к родине» не отличается от всех прочих аффектов, в которых всегда в какой-то мере участвует воображение.

И все же патриотизм благороднее расизма. Патриоты мыслят в категориях национального предназначения. Усваивают и пропагандируют телеологические (религиозные и светские) концепции, хотя их обосновать невозможно. А практический опыт воплощения небесного и земного рая закончился крахом. Тогда как для расизма характерен дискурс в категориях вечного позора. Он связан с существованием определенных социальных групп и передается через бесконечную цепь копуляций, которая находится вне истории. Начиная с XIX в. расизм был связан с доминированием Европы в мире и стал элементом европоцентризма. Поэтому патриотизму трудно освободиться от расизма.

Трудности усилились на протяжении XX в. из-за действия двух факторов:

1. Выработка и культивирование в России бюрократического национализма. Само бытие империй в XX в. поддерживало аристократию метрополий. Тем самым феодальная концепция власти и привилегий была перенесена на международный уровень. Феномен русификации стал универсальным.

2. Разрастание бюрократического аппарата для осуществления универсальной русификации. Эта тенденция продлила существование империй (прежде всего Российской) до настоящего времени. Она же позволила автохтонной буржуазии и интеллигенции играть роль аристократии у себя дома.

Оба фактора были усилены на всем протяжении существования СССР. Сегодня они образуют непосредственное политическое наследие России, стран СНГ и (с некоторой коррекцией) Восточной Европы. Тем самым различие между российским бюрократическим национализмом и другими моделями (американским и европейским) сводится к явной лжи и мифу. Однако установить это различие в каждом конкретном случае крайне сложно. Прежде всего потому, что комплекс социальных наук используется для обоснования всех моделей национализма в процессах политической манипуляции.

Перепись имущества

При анализе современных политических процессов надо исходить из господства русского бюрократического национализма над европейской и американской моделью. Все они переплетены с социальными и познавательными процессами. «В политике «строительства наций», проводимой новыми государствами, очень часто можно увидеть как подлинный,

массовый националистический энтузиазм, так и систематичное, даже по-макиавелиански циничное впрыскивание националистической идеологии через средства массовой информации, систему образования, административные предписания и т.д.»²⁷. В них скрывается специфическая «логика», которая воплощена в переписях населения, географических картах и музеях. Эти феномены социальной реальности претендуют на познавательное значение и связаны с существованием статистики, политической и экономической географии и истории. Данные науки считаются важными разделами социального знания. На самом деле они являются институтами власти и обслуживают ее интересы.

С конца XIX в. вплоть до настоящего времени в официальных переписях населения разных государств обнаруживается постоянный произвол. Он выражается в бесконечном изменении, разделении, перестановке и новом упорядочивании категории этноса. По мере секуляризации критерий религиозной принадлежности исчезает. Его место занимает критерий этноса (этнической принадлежности). Этот факт свидетельствует о том, что классификационные категории становятся все более расовыми. После Октябрьской революции в России и обретения независимости странами Азии, Африки и Латинской Америки (после второй мировой войны) прежняя категория расы получила новую дефиницию этноса. А в России после 1991 г. происходит ее подлинный ренессанс.

Однако ни старая дефиниция расы, ни новая дефиниция этноса не соответствуют самоопределению групп населения. Эти дефиниции выдуманы и воплощены в жизнь государственным аппаратом и наукой, обслуживающей его интересы. Авторы переписей обычно отличаются страстью к исчерпывающим классификациям. Не терпят неясных и политически двусмысленных определений. Население страны воспринимается и регистрируется статистикой как целое, но каждая группа занимает в нем строго определенное место. Если те или иные группы не подпадают под существующую классификацию, они зачисляются в категорию «...и другие». В этом и состоит фиктивность переписи и государственной статистики в целом. В основании социального и политического воображения империй лежит фикция.

Первыми колонизаторами были клирики, конкистадоры, путешественники. Они навязывали местному населению собственные классификации. В них туземная социальная структура воспринималась как отражение социальной структуры страны-завоевателя. Например, испанцы всегда квалифицировали местное население завоеванных стран как князей, дворян, плебс и рабов. Перепись — продукт воображения феодального периода. В конце XIX в. она была модернизирована за счет добавления расовой или этнической принадлежности.

По мере расширения компетенции и умножения функций госаппараты империй создали искусственную демографическую топографию. Она пустила глубокие социальные, институциональные и познавательные корни. И была просто следствием создания новых отрядов бюрократии — военной, образовательной, судебной, медицинской, полицейской, таможенной, иммиграционной, пограничной и т.п. Вся структура главных государственных ведомств (обороны, внутренних и иностранных дел, безопасности, информации) возникла на основе принципа расовых и этнических иерархий. Для его обоснования использовалась наука. Тем самым факт существования разных отрядов госаппарата и критерии расы-этноса *отождествлялись*, квалифицировались как параллельные множества.

Через сеть бюрократических учреждений (школ, больниц, полицейских участков, иммиграционных бюро, таможенных и пограничных служб, отделов записи актов гражданского состояния, нотариальных контор и т.п.) проходит масса населения. Предполагается, что сам факт такой циркуляции соответствует нормам социальной динамики. На самом деле происходит отождествление социальных процессов, государственных учреждений и познаватель-

²⁷Там же. — С.180.

ных схем. В результате государственные выдумки и фантазии приобретают статус действительности. Современная социальная статистика и демография — продукты такого отождествления.

Оно ведет к неожиданным следствиям. Например, религиозные общины были основанием древних и стабильных вымышленных общностей. Они совершенно не соответствовали классификационной сетке государства. Поэтому госаппарат империй насильственно присоединял другие религиозные общины к официальной государственной религии или вводил в классификации множество бессмысленных поправок. В результате госаппарат сам повинен в росте числа и значения религиозных святынь, школ и судов.

С одной стороны, он пытался регулировать и подчинять государству религиозные общины путем выработки вероисповедных категорий переписи населения. Эти попытки были направлены на приписывание религиозным общинам этнического характера с точки зрения политики и права. Наиболее ярким примером здесь является категория «православных» в статистике Российской империи. С другой стороны, религиозные общины (особенно те, что находились в конфликте с официальной религией) рассматривались населением как пространство и крепость свободы. В них воспитывались и выходили на борьбу с имперским колониализмом его религиозные и националистические враги

Таким образом, становление современных этносов неотделимо от имперского прошлого. Приписывание этносам политического значения есть результат бюрократизации управления, социальной статистики, демографии в этнографии. Все эти науки (т.е. научное сообщество) по-прежнему заинтересованы в существовании государства и сами являются звеньями его бюрократической машины.

То же самое можно сказать об экономической и политической географии. Они базируются на таких концептуализациях, действительности, которые свидетельствуют о том, что современное государственное мышление возникало в рамках традиционной структуры политической власти. Речь идет о картах, которыми оперирует экономическая и политическая география.

Из истории известно два типа карт:

1. Космографические, формальные и символические карты трех миров (небесного, земного и подземного) религиозной космологии. Они не предназначались для путешествий, а были ориентированы на постоянное напоминание о совершенных грехах и спасении души.

2. Первые светские карты были указателями для проведения военных операций и каботажного плавания. В них содержалась информация о времени, необходимом для покрытия определенных расстояний. Эти карты были локальными и не располагали объектами изображения в стабильном географическом контексте.

Первый тип карт чертился в вертикальной, а второй — в диагональной плоскости. В них еще не было конвенции восприятия действительности с птичьего полета и не обозначались границы — исходные критерии бытия современных государств и политической географии. Сама идея государственной границы насчитывает менее 150 лет. Только с 1870-х гг. границы начали рассматриваться как непрерывные линии на карте, которые ничему конкретному на земле не соответствовали²⁸. Они просто отделяли один государственный суверенитет от другого.

²⁸«Находясь на стыках смежных государственных территорий, межнациональные границы имеют особую значимость в определении пределов правомочности суверенной власти, а также пространственной формы заключенных в эти пределы политических регионов... Границы ... появляются там, где вертикальные соприкосновения разных государственных суверенитетов пересекают на части земную поверхность... Являясь размежеваниями вертикальный, границы не имеют горизонтальной ширины». Там же. — С. 190. В данном случае Б. Андерсон цитирует формулировку Ричарда Мейра. — В.М.

Вплоть до конца XIX в. пространство описывалось в категориях священных столиц и мест поселения людей. Такие топосы могут восприниматься эмпирически без особого труда. Тогда как территория государства была и остается абстракцией. Эта абстракция связана с понятиями «государственного суверенитета» и «государственной границы». Данные термины фиксируют часть абстрактной территории, которую занимает государство как невидимое ограниченное пространство. Однако указанная система абстракций — государственная территория, государственный суверенитет, государственная граница — обосновывали необходимость появления целых отрядов паразитического государственного аппарата — пограничной и таможенной службы. Данные абстракции вошли также в определение государства и нации и пока еще не ставятся под сомнение ни представителями политического, ни сторонниками этнического понимания нации.

В конструктивистской концепции нации показано, что воплощение абстракций в действительность связано с ростом госаппарата. Этим объясняется сходство переписи и карты. Обе функционируют на основании принципа *тотальной классификации*. Уже сам этот принцип склоняет его изобретателей и потребителей к действиям с революционными последствиями. Однако в основе таких действий лежит идея государственного (полицейского и научно-го) надзора над действительностью.

Хронометр был изобретен в 1761 г. Вслед за тем вся земля была разделена параллелями и меридианами. После этого геометрическая сеть стала накладываться на неизвестные морские и сухопутные территории. Возникла задача заполнения и описания каждой клетки на карте. Раньше путешествия осуществлялись с целью познания, грабежа и религиозного миссионерства. Теперь они начали возлагаться на армию. Первые географические ведомства возникли в составе флотских и армейских министерств. Так появились профессии топографов и землемеров. А эти профессионалы подвергли пространство тому же надзору, который издавна навязывался населению государственной статистикой. Возникла необходимость взаимного приспособления карты и власти.

Оно шло от триангуляции к триангуляции, от войны к войне и от одного мирного трактата к другому. Вопросы войны и мира всегда были воплощением государственного произвола. На его основе возникало нынешнее международное право. В настоящее время в мире существует множество государственных границ и связанных с ними служб (отделы виз и регистраций, таможня, пограничная служба и т.д.). Все они есть институционализированный синтез политического произвола и мифологических представлений. Политическая география воплощает идею тотального надзора над пространством. В этом контексте функционируют многочисленные внешнеполитические ведомства и международные организации.

В результате практического воплощения принципа тотальной классификации карта стала господствовать над действительностью, а не наоборот. В этом качестве она обосновывала увеличение госаппарата: «Дискурс картографирования был той парадигмой, в рамках которой осуществлялись административные и военные действия и которую эти действия фактически обслуживали»²⁹. Лишь в конце XIX в. управление государством начало базироваться на территориально-картографических основаниях, а связь между переписью населения и картой стала нормой. С одной стороны, нынешние политические карты разрывают бесконечные цепи классификационных категорий населения, выдуманных госаппаратами. С другой стороны, демография становится политическим содержанием формальной топографии карты. В обоих случаях политические цели государства определяют познавательные цели статистики и демографии. Принцип тотальной классификации воплотился в новом типе карты. *Исторические карты* были введены госаппаратами империй и непосредственно подготовили

²⁹Там же. — С.192.

русско-советский бюрократический национализм XX в.³⁰. Они появились лишь в конце XIX в. и были подчинены новому картографическому дискурсу. Эти карты «доказывали» давность принадлежности единиц территории конкретным империям: «Через хронологически упорядоченные последовательности таких карт выстраивался своего рода политико-биографический нарратив династического государства, иногда обладающий бездонной исторической глубиной. В свою очередь, этот нарратив заимствовали ... национальные государства, ставшие в XX в. правопреемниками колониальных государств»³¹. В основании этого дискурса лежит явная ложь: актуальный политико-биографический уклад опрокидывается на тысячу и более лет назад; при этом не учитывается, что сам дискурс является изобретением нового времени. Тем самым история — вкуче со статистикой, географией, этнографией и демографией — приобретает ранг «научного доказательства» того, что нации возникли значительно раньше нового времени.

В начале XX в. появились также карты-логосы. Они транслируют обычай империй обозначать на карте одним цветом метрополии и колонии. Выкрашенная в определенный цвет колония становилась фрагментом мозаики. По мере закрепления в памяти поколений формы фрагмента он становился «нормой» и мог быть вынут из географического и исторического контекста. Тем самым отпадала необходимость любых объяснений (географической широты и долготы, названий городов, обозначения рек, морей, соседних стран и т.д.). Оставался чистый знак, не имеющий уже никакого отношения к ориентации в пространстве.

В таком виде этот знак переносился на государственные флаги, канцелярские документы и печати, плакаты, конверты, обложки журналов, книг и учебников, проспекты отелей и вообще на любые рекламные издания. Так реклама переплеталась с вымышленной историей. Карта-логос проникала в сознание масс населения и становилась эмблемой возникающего национализма. Места рождения, пребывания и заключения революционных деятелей становились центральным мотивом в легенде революционно-освободительной борьбы с колониализмом. Эти места приобретали сакральное значение. А по сути дела становились кормушкой, из которой хлебали официальные «деятели искусства».

Музейное дело — следующий элемент национализма. Сам музей и связанное с ним воображение имеют политический характер. На протяжении XX в. в разных странах росло число музеев и аналогичных учреждений. Это свидетельствует о политизации представлений об историческом процессе.

До XIX в. имперские властители не проявляли никакого интереса к памятникам завоеванных цивилизаций. Инициатива обычно исходила от наместников и имперских чиновников. Они первыми начали собирать коллекции местных древностей, проявлять интерес к изучению их истории. Все это делалось для того, чтобы еще сильнее связать колонии с метрополией. В этом процессе ни одно государство никогда не руководствовалось познавательными интересами науки³². Оно осуществляло эти действия на основе материального своекорыстия и политического расчета госаппарата. Важнейшую роль при этом сыграл ряд факторов, которые наиболее ярко проявились в истории Российской империи XIX в.

³⁰В Европе давно существовало право законного наследования и передачи территорий. Оно начало применяться и в отношении колоний. По мере их оккупации захватчики обосновывали свое право на данные территории с помощью квазиправового метода наследования. Местным властителям приписывался суверенитет в феодальном смысле слова. Поэтому они либо устранились, либо вынуждены были подчиниться захватчикам. Оккупанты начали широко пользоваться помощью ученых — географов и историков. Последние начали заниматься реконструкцией вымышленной истории обладания захваченными территориями.

³¹Там же. — С.193.

³²Наместники и чиновники начали уделять внимание раскопкам, измерениям, фотографированию, реконструкции, сохранению, выставкам и изучению древностей Археологические и археографические комиссии возникали в рамках имперских ведомств и тем самым становились важным политическим институтом.

Время интереса к археологии и археографии совпало со временем первых столкновений «прогрессистов» и «консерваторов» в образовательной политике (первая треть XIX в.). Первые требовали от правительства увеличить ассигнования на образование. Вторые опасались крамолы (влияния революционной Франции) и последствий образованности. В контексте этого спора археологические и археографические мероприятия стали важным звеном консервативной политики в области образования, их финансирование осуществлялось как элемент политики издания религиозных текстов (Библии, святоотеческих сочинений, житий святых и т. п.). В Европе археология и археография длительное время находились в тесном контакте с миссионерскими службами. В России генезис этих наук был переплетен с деятельностью Синода как главной церковно-бюрократической структуры.

Так начали фабриковаться программы строительства памятников и музеев. Эти программы всегда были связаны с актуальной политикой правительств. Например, строительство памятников великим людям древности призвано было подчеркнуть: их потомки не способны на великие деяния и самостоятельное политическое бытие и потому нуждаются в имперских наместниках-колонизаторах. Только последние могут обеспечить мир и надлежащее управление на данной территории.

Вначале империи придавали одинаковое значение исследованию древностей и истории покорения данной территории. Со временем второе направление деятельности свертывалось. Древности все более связывались с туризмом, который постепенно становился частью политики в области культуры. Госаппарат интересовался туризмом прежде всего как источником доходов. Удовлетворяя собственное своекорыстие, он одновременно выступал в роли «патрона и хранителя» местных традиций. Так шел процесс создания музеев и других краеведческих учреждений. Уважением к прошлому в нем и не пахло. Оно выполняла роль регалий, которыми сами себя награждали имперские чиновники.

Перечисленные факторы лежат в основании отношения госаппарата к прошлому. Для него характерно неверие в «святость» или особое значение памятных мест. Влияние прогресса выразилось в том, что археологические описания стали дополняться фотографиями, фильмами, диапозитивами, компьютерными изображениями и т. п. Так возникла еще одна отрасль издательского дела — почтовые марки и открытки, названия отелей, марки пива и сигарет, школьные учебники и «заказные» научные книги. Сам факт издания всей этой макулатуры свидетельствует о том, что возникла иллюстрированная *перепись государственного имущества*. Политический смысл археологии усиливался по мере развития технического производства и увеличения числа государств. А сторонники «чистой науки» способствовали распространению иллюзий о некоем «культурном» значении всего этого старья, производство которого становилось повседневностью. Этот факт показывает действительную силу государства.

СССР (после Октябрьской революции) и бывшие колонии Азии, Африки, Латинской Америки (после установления независимости) унаследовали и укрепили форму ведения музейного дела, сложившуюся в Российской империи. Это значит, что все элементы археологического производства могут быть символом любых политических режимов — от монархических и военных до революционных и демократических. Во всех случаях мифология власти определяет содержание и структуру всего круга социальных наук — статистики, демографии, этнографии, географии, истории и археологии. Она лежит в основании современного стиля политического мышления.

Современные чревовещатели

Этот стиль определяется переплетением переписи, карты и музея. Статистика, демография, география, история, археология базируются на принципе тотализирующей классификации. В XX в. к ним примкнули геополитика, либерально-позитивистская социология и политология. Данный принцип используется в отношении любых социальных объектов — людей, религий, регионов, территорий, языков, товаров, социальных групп, политических партий и т. д. Во всех случаях речь идет о феноменах, подлежащих реальному или желательному контролю госаппарата.

Указанные науки длительное время плели сеть для общества. Она позволяет дать «точные» пространственно-временные и количественные определения любому объекту. Тем самым язык данных наук стал разновидностью политического и бюрократического языка, скрывающего аномалии действительной жизни. Современный мир покрыт невидимой сетью. Она сплетена на станке консервативной концепции порядка: мир состоит из воспроизводящихся множеств (классов, групп, наций, населения), а не индивидов. Единичное и особенное в этом случае выступают как члены или представители множеств.

Этот стиль мышления связывает современную политику и науку. Его истоки действительно восходят к утилитарному либерализму Бентама, который создал паноптикум как образец тотального контроля. Благодаря универсальности такого стиля мышления госаппарат приобрел абсолютно прозрачный социальный пейзаж, в котором все имеют строго определенное место и номер. Все государственные структуры по регистрации индивидов — частные случаи стеклянного дома. Они выдают свидетельства о рождении и браке, служебные и профессиональные удостоверения, определяют место на кладбище, дают квитки о смерти. Практически все эти функции государство забрало у церкви. Провозгласив секуляризацию, оно не отказалось от доходов, связанных с совершением данных актов. За счет этого существуют многочисленные отряды чиновников в разных странах. И еще ни одно правительство мира не взялось за ликвидацию данной сети.

Наоборот, после революций в России и Китае она была заимствована и усовершенствована новыми независимыми государствами. Все они пользуются указанными моделями классификации действительности. Комплекс социальных наук поддерживается лишь в той степени, в какой он укрепляет данные модели. В школах, университетах, СМИ бесконечно воспроизводятся одни и те же местности, обсуждаются одни и те же события и лица национальной истории. Все это свидетельствует о том, что госаппарат рассматривает историю как свой семейный альбом. По крайней мере во всех случаях возникает специфическое отношение *памяти и забвения*. В его состав входят: сопоставление старого и нового времени; роль братоубийств в национальной истории; антропологическая биография наций.

В результате американских войн за независимость возникло убеждение: бывшим испанским, французским и английским колониям удалось вырваться из истории. Широко распространилось представление о «новом мире». На его основе возникла идея новой священной революции, которая содержит в себе мировую последовательность социальных событий, связанных причинно-следственными отношениями. Такое видение мира типично для европейского воображения. На самом же деле новый мир и священная революция стали истоком национализма, который вначале (в текстах Берка, Бональда и де Местра) понимался как восстановление преемственности. Затем (в романтизме) возник реакционный мотив возврата к истокам. Он базировался на опыте параллельного существования Нового и Старого мира и связал европейский национализм со множеством языков. Гении европейской историографии (Ранке, Мишле, Токвиль, Маркс, Буркхардт) родились в первые 25 лет после установления революционным Конвентом Франции нового исчисления времени. Они первыми начали пи-

сать от имени мертвых поколений, превращая их опыт в философско-исторические и историографические концепции. А смысл собственного научного труда понимали как способ осознания нации французской, немецкой, английской; русские историки XIX в. пошли вслед за европейскими гениями. Но начали писать не от имени нации, а от имени мертвых царей, строивших империю. С этого времени молчание мертвых уже не было преградой для воскрешения их наиболее сокровенных желаний.

В XIX в. сложилось несколько вариантов историографии — идеалистический, материалистический, культурно-исторический, цивилизационный. Все они были чревовещанием от имени мертвых, множеством мифов, претендующих на научность. На этих мифах воспитывались европейские и русские революционеры. Они пытались воплотить в жизнь историческую некрофилию путем создания новых государств, политических партий, систем экономики, образования, культуры и т.п. Во всех случаях историография использовалась для «научного обоснования» ранее описанных моделей национализма. Объясняющая и понимающая интерпретации истории, сложившиеся на рубеже XIX-XX вв., тоже вполне вписывались в эти модели. В результате ни одна из классических политических идеологий не смогла освободиться от национализма.

Братоубийства — не менее важный мотив превращения истории в миф. Начиная с Варфоломеевской ночи обязанность забыть трагедии политической истории квалифицировалась как гражданский долг. В этом состоит следующий парадокс: «Принуждение «уже забыть» те трагедии, в непрестанном «напоминании» о которых человек нуждается, оказывается типичным механизмом позднейшего конструирования национальных идеологий»³³. Государства стремятся устранить этот парадокс путем постоянного переписывания учебников по национальной истории. Однако эта процедура только бесконечно воспроизводит исторические мифы.

Дело в том, что в истории каждой страны были религиозные и гражданские войны, революции и все остальные формы классовый борьбы. По сути дела, речь идет о *войнах между различными нациями-государствами в рамках одной и той же территории* — географической, социальной и исторической. Но в результате культивирования указанной обязанности они рассматриваются как войны между братьями. Тем самым в изложение истории привносится мотив библейского братоубийства.

Во всех случаях госаппарат и обслуживающие его интересы ученые и педагоги руководствуются холодным расчетом. Они ссылаются на первичное братство нации, которого на деле никогда не было. Если нация есть предмет вымысла в новое время, то братство продукт еще большей фантазии, восходящей к началу человеческого рода. Стереотип братства отражает такое преобразование воображения, в котором ни политики, ни чиновники, ни ученые, ни педагоги не отдают себе отчета и которое не в состоянии контролировать. Тем самым стереотипы религиозного сознания опять-таки используются в политических целях. Братоубийственная война не может состояться без представления о братстве. Однако это представление появилось задолго до образования наций. Затем оно было использовано в историографии как форма консервативной реакции на революцию. Ведь после превращения революции в элемент прошлого нацию уже невозможно воспринимать как нечто принципиально новое.

То же самое можно сказать об антропологической биографии наций. Она включает использование всех документов, которые не были источниками официальной историографии. Речь идет о метриках, дневниках, письмах, рецептах, историях болезни, фотографиях и т.п. Все это — разновидности отчужденной памяти человека. Она одновременно напоминает о

³³Там же. — С. 217.

мнимой преемственности и подчеркивает факт ее постоянного забывания. Из отчужденной памяти вытекает определенная концепция личностной идентичности.

Индивид не может помнить собственную биографию во всех деталях. Она всегда восстанавливается в более или менее вымышленных нарративах. Эта литература заливает современный книжный рынок. Мемуары политиков, дипломатов, писателей, ученых, кинозвезд, спортсменов и т.д. все еще пользуются повышенным спросом. Однако вся эта «глубоко личная» продукция аналогична газете. Она располагается в однородном пустом времени, не обладает ни историческим, ни социологическим контекстом.

Мемуары обычно начинаются с рассказов о дедах-прадедах и бабках-прабабках, о которых автор имеет крайне смутные сведения. Тем более он не может ни точно помнить момент собственного рождения, ни знать точную дату своей смерти. Такой нарратив соответствует началу Евангелия от Матфея, в котором упоминаются четырнадцать родов от Авраама до Давида, от Давида до переселения в Вавилон, от переселения в Вавилон до рождения Христа. Но не указаны ни точные даты жизни, ни физиологические, социальные, политические и культурные сведения о предках Христа. Такой стиль нарратива характерен для священных генеалогий, в которых Христос рассматривается как действительный Сын Божий, а не как историческая личность. Создатели мемуаров могут быть абсолютными атеистами, но не в состоянии освободиться от этого шаблона.

В то же время вымышленные нарративы используются не только при создании индивидуальных мемуаров. В XX в. возникло целое направление исторической антропологии, которое использует те же источники при описании истории наций. В последнее десятилетие эта интеллектуальная мода захватила и Россию. Поэтому следует подчеркнуть различия между индивидуальными и национальными фантазиями.

Индивидуальные нарративы имеют начало и конец. Они более или менее связаны с генами родителей и социальными обстоятельствами. Герои мемуаров исполняют свою роль на социальной и исторической сцене для того, чтобы оставить после себя следы славы, влияния и власти. Тогда как нации точной даты рождения не имеют. А попытки их умерщвления пока еще не рассматриваются как естественный факт. Обычно такие попытки квалифицируются как разновидность Апокалипсиса. Книжный рынок заливают литература о красном терроре против русского народа, еврейском холокосте, украинском голодоморе, африканском геноциде или просто о вырождении малых народностей.

У авторов мемуаров всегда есть предки более или менее отдаленные. Во многих случаях генеалогия служит предметом гордости и самолюбования. Тогда как ни одна из ныне существующих наций не выводит собственного первопредка от Адама и Евы или Иисуса Христа. Значит, его и не было. И потому биография наций не может быть написана «от самых истоков», т.е. с самого начала, евангелически, через длинную цепь порождений. Единственная альтернатива — писать историю наций с конца. Но и конец есть пункт, который не может быть точно установлен. Неопределенность начала и конца дает источник для бесконечных спекуляций. Они могут быть обнаружены в историографии любых наций при обсуждении вопроса о первопредках и образуют бродячий сюжет всех моделей национализма³⁴.

Сама распространенность подобных процедур свидетельствует о том, что началом любой нации является *смерть*. Она началась в новое время. Именно тогда началось преобразование шаблонов индивидуальной генеалогии в генеалогии групповую. Абсолютное большинство индивидов до сих пор умирали, не оставив в истории никакого следа. Множество индивидуальных смертей структурируют анонимную историю нации.

³⁴Если речь идет о русской нации, то свежими примерами таких упражнений являются «Велесова книга», хронологические исчисления академика Н. Фоменко и тому подобная макулатура, находящая читателей и почитателей. Аналоги могут быть обнаружены во всех государствах СНГ...

В трудах Ф. Броделя подчеркивается значение множества анонимных смертей, которые суммируются и усредняются в таблицах смертности. Это позволяет проследивать медленные и незаметные изменения условий жизни миллионов безымянных индивидов. Вопрос об их национальности практически не имеет смысла, поскольку такие сведения почти невозможно обнаружить. Зато история длительных временных протяженностей связала воедино биологию, географию и демографию. В результате было накоплено множество безжалостных данных о кладбищах, показателе смертности в разные эпохи, самоубийствах и убийствах, пытках и экзекуциях, войнах и геноциде. Эти данные являются эмпирическим материалом для написания истории европейских наций. Что касается наций Российской империи и СССР, то мне неизвестно, ведутся ли аналогичные исследования отечественными историками. Хотя анализ захоронений «новых русских» уже появился³⁵.

Образование многонациональных империй, а в результате их распада национальных государств — поворотный пункт на пути к групповой смерти. Прежде всего потому, что существуют универсальные характеристики многонациональных империй и национальных государств: государства, возникшие на развалинах империй, стремятся к самосохранению даже в крайне неблагоприятных обстоятельствах; распад империй доказывает устойчивость государства как политического фактора; это объясняется тем, что на имперской фазе существования государств они становятся «змеиным клубком интересов», зависимостей и карьер; лозунги нации и национализма, а также этничности используются для воспроизводства данного клубка.

В результате государство продолжает существование независимо от выполнения своей социальной роли. Государственные аппараты оперируют комплексом безличных показателей при управлении обществом. Ученые (географы, статистики, историки, археологи, социологи, политологи) заняты выработкой таких показателей. Поэтому государственные аппараты и интеллигенция выполняют роль предводителя группового самоубийства. А действительная история нации становится миллионами анонимных смертей, принесенных на алтарь исполнения социальных проектов, вырабатываемых государственными аппаратами и интеллигенцией.

Структуралистский подход к проблеме наций и национализма может быть применен по отношению к любой группе людей, называющих себя нацией или этносом. При этом нет смысла полагать, что данная группа существует. Смерть — естественная характеристика индивидов и наций. И хотя каждый человек приговорен к смерти уже самим фактом своего рождения, он обычно не желает постоянно помнить этот факт и думать о нем. Отсюда следует, что диалектика *памяти и забвения* — ключевая манипулятивная процедура, которую используют госаппараты и интеллигенция при рефлексии о нации. В любом случае политическое бытие наций и этносов — лишь тончайший слой на поверхности универсальной анонимности и смерти.

Расчистка почвы для дискуссии

Подход Андерсона к проблеме нации позволяет дистанцироваться от любого отождествления наций с государствами, а национальных интересов с интересами госаппаратов и интеллигенции. То же самое можно сказать об этносах, если данная категория используется для обоснования такого тождества. Проведенная систематизация позволяет расчистить почву для дискуссии по проблеме наций и национальных интересов России. Я имею в виду темы, кото-

³⁵Матич О. Успешный мафиозо — мертвый мафиозо: культура погребального обряда // Новое литературное обозрение. — 1998. — № 5/33.

рые обходят молчанием как современные российские национал-либералы, так и национал-консерваторы³⁶.

Прежде всего речь идет о категории официального бюрократического национализма. Я думаю, она представляет наиболее значимый результат исследований Б. Андерсона. Эта категория позволяет отвергнуть культуросентристский, прагматический, идеологический подходы к пониманию природы наций и НИ, а также традиционное для русской общественно-политической мысли противопоставление России и Европы. Как было показано, русский бюрократический национализм впитал в себя все характеристики американского и европейского национализма. И в этом смысле служит до сих пор «недостижимым образцом».

В то же время и структуралистская концепция нации несвободна от трактовки бюрократии как разновидности «инструментальной рациональности». Такая трактовка опирается на веберовское понимание бюрократии как «рационального управления». Оно длительное время было распространено в Европе и в США, а теперь стало популярным и в России. Между тем веберовская концепция рациональности является наиболее слабым звеном социологической теории этого крупного мыслителя. Мне уже приходилось писать о том, что официальное обществоведение СССР выполняло апологетическую роль в отношении советского властно-управленческого аппарата. Сегодня ту же самую роль выполняет веберизанство и веберовская концепция рациональной бюрократии.

С этим уточнением другие выводы структуралистской концепции нации могут использоваться для дистанцирования от многовековой традиции отождествления национальных интересов России с интересами ее государственного аппарата и интеллигенции. Эти выводы относятся также к другим государствам СНГ, если их государственные аппараты используют модель бюрократического национализма (с дополнениями, взятыми из американской и европейской модели) для собственной легитимизации.

Можно исходить из того, что русская нация (как и все остальные) есть воображаемое сообщество — вымышленная мнимая общность. Она выдумана русской бюрократией и интеллигенцией и существует в однородном пустом времени. Бытие этой мнимой общности связано с комплексом политико-идеологических ритуалов. Они до сих пор легитимизировали деятельность политиков, госаппарата и интеллигенции России. Мера согласия населения страны с данными ритуалами пока еще обусловлена пассивным потреблением продуктов властно-интеллигентского творчества. Сколько времени продлится такое потребление, пока неизвестно.

Зато определенно можно сказать, что внутри населения России никогда не существовало братства. Поэтому как онтологическая реальность русская нация не существует. Всегда было и есть несколько русских наций. Из них политического воплощения добились только те, которые были согласны с господством госаппарата над населением территории, обозначаемой на политических картах как Российская империя, СССР или Российская Федерация. Несогласные с монархическим, советским и современным господством госаппарата пока еще не имели возможности интегрироваться и проявить свою политическую волю. Прежде всего потому, что в российском обществе пока не сложилось большинства, свободного от потребительского, терапевтического и менеджерского отношения к действительности. Значит, и демократия остается делом будущего. Сколько времени потребует для реализации этой возможности? На этот вопрос не возьмется ответить ни один теоретик в мире. Хорошо уже то, что структуралистская концепция нации позволяет его поставить. И получить промежуточный ответ: без стремления реализовать данную возможность любой дискурс на тему наций,

³⁶Детальный анализ данных направлений политической мысли современной России см.: Межуев Б.В. Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической жизни // Полис. — 1997. — № 1.

этносов и национальных интересов будет скрывать текущие или перспективные интересы госаппарата. К каким непредвиденным последствиям они приведут — тоже ответить трудно.

Русский язык, официальное православие и ленинско-сталинская версия марксизма, а также их лингвистические и идеологические гибриды до сих пор выполняют роль генераторов мнимой общности русской нации. У нее нет ни точной даты рождения, ни общего предка. Зато есть начало анонимной смерти. Оно связано с образованием Московского государства и Российской империи. Поворотным пунктом на пути к групповой смерти стало образование СССР. На протяжении своего существования аппарат этого государства уничтожил большее число жителей страны и окрестных территорий, чем во всей предшествующей истории России. Если отождествлять жизнь населения географической ойкумены России с данным государством, то его главный интерес состоял в физическом, нравственном и политическом умерщвлении народов. А госаппарат и интеллигенция России всегда руководствовались своекорыстием, властолюбием и стремлением к духовному господству. Следовательно, даже малейшее отождествление интересов конкретных людей с национальными интересами скрывает горы физических, нравственных и политических трупов, принесенных моими соотечественниками на алтарь бюрократического государства.

Физические трупы лежат в земле. Нравственные и политические живут и порождают наследство. В этом наследстве главная роль принадлежит бюрократическому национализму. Госаппарат России продолжает разрастаться и не отказался добровольно ни от одного из элементов данного национализма. Россия продолжает участвовать в войнах между другими государствами СНГ, ведет войны на своей территории, продолжает продавать оружие всем желающим из числа других государств, эксплуатировать природные и человеческие ресурсы и не собирается войти в число стран, сделавших сохранение природной и социальной среды главным направлением государственной политики. Все эти действия есть результат существования ведомств обороны, МВД, МИД, ФСБ, связанных с ними других министерств и средств массовой информации. Эти отряды госаппарата и принадлежащие к ним социальные и профессиональные группы продолжают конкурировать между собой, претендуя на выполнение ведущей роли на политической сцене. Между тем мне не попадалось исследований, в которых бы было доказано, что деятельность данных ведомств совершенно свободна от официального бюрократического национализма во всех его составных частях. Следовательно, нельзя утверждать, что вся структура данных ведомств выражает национальные интересы России.

Как уже говорилось, русский бюрократический национализм есть синтез американского и европейского. Русская интеллигенция развивала и продолжает культивировать все модели национализма. Поэтому проблема заключается в описании всех аспектов и последствий связи интеллигенции с госаппаратом. Не менее важны изучение и типология главных мотивов поведения всего остального населения. Особенно в том случае, если оно не противодействует всем составным частям бюрократического национализма.

Возможность достижения вершины (жительство и должность в столице) — важный критерий генезиса бюрократического национализма. Чем большее число жителей страны движимы этим мотивом, тем больше вероятность национализма в центре. Причем понятия «центра — провинции» изобретены бюрократией и журналистикой. Госаппарат Российской империи и СССР связывал различные социально-экономические уклады и способствовал генезису национальных идеологий. Одновременно он оставлял в неприкосновенности прежнюю структуру властных отношений. Рост бюрократии снимает различие между «развитыми» и «отсталыми» странами. В России сегодня популярны «евразийская» и «атлантическая» геополитические концепции. Они отражают двойную идентичность русской бюрократии и интеллигенции, являются разновидностями европоцентризма и расизма.

Русские революции XX в. воплотили в жизнь связь интеллигенции и бюрократии. И в этом смысле связали Россию с Францией, Германией и Италией, в которых тоже существовала данная связь. Поэтому русские революции не только усилили бюрократический национализм Российской империи, но и способствовали культивированию патриотизма и расизма как политических и идеологических следствий мнимой общности русской нации. Патриотизм и расизм непроницаемы для рациональной рефлексии. Они базируются на чувственно-эмоциональных формах восприятия действительности, которые выполняют роль невидимой физической реализации мнимой общности.

В нынешних дискуссиях значимое место занимает категория этноса — модифицированное и осовремененное понятие расы. Становление этносов неотделимо от имперского прошлого России в ее монархической и советской формах. Главные государственные ведомства, а также ученые, апологетически относящиеся к интересам данных ведомств, способствовали отождествлению критериев расы и этноса. Приписывание этносам политического значения (а такая тенденция тоже существует в современной России) — результат еще большей (по сравнению с отождествлением нации и государства) бюрократизации политики, управления и социальных наук. Так что современная демографическая и этническая топография России есть следствие указанной тенденции.

Итак, понятие бюрократического национализма может быть отнесено ко всем нациям и этносам, которые раньше входили в состав СССР, а теперь образуют самостоятельные государства или претендуют на такую самостоятельность. Структуралистская концепция нации позволяет дистанцироваться от любого автохтонного национализма (украинского, грузинского, татарского и т.п., список должен включать перечисление всех наций и этносов, принадлежавших к СССР), а не только от его американской, европейской и русской модели.

Для увеличения такой дистанции требуется детальное изучение и систематизация всех противоречий национализма в СССР (России) на уровнях отношений, деятельности и сознания. То же самое можно сказать о влиянии данных противоречий на современные экономические, политические и идеологические процессы в России и СНГ. Особенно важно проследить институционализацию национализма в деятельности главных государственных ведомств, поскольку они продолжают претендовать на выражение национальных интересов. Одновременно надо выявить национально-бюрократические стереотипы и схемы мышления в религиозных (православие, ислам и вообще все конфессии и секты, ныне существующие в России) и светских (либерализм, консерватизм, социализм) идеологиях России. Ни одна из них не свободна от этатизма.

В цикле работ по проблеме бюрократии я ввел понятие «идеологической бюрократии» для обозначения глубокой связи интеллигентского, бюрократического и политического мышления. Структуралистская концепция нации позволяют усилить эвристичность данного понятия. В частности, следует доказать, что социальные науки в России (политическая экономия, статистика, демография, этнография, география, история, социология и политология) по познавательным и социальным целям принципиально отличаются от своих европейских собратьев. Однако доказать это никогда не удастся. Наоборот: в истории России XX в. весь комплекс естественных и социальных наук был подчинен власти намного больше и изошреннее, нежели в Европе³⁷. Сколько времени потребуется для освобождения от этой зависимости, не говоря уже о свободе от рынка, — трудно сказать. Значит, можно исходить из того, что социальные науки России пока остаются институтами власти. Они выражают ее интересы и выполняют функцию контроля над территорией и населением страны. Проблема состо-

³⁷ Литература по этому вопросу громадна. Укажу лишь две книги: Грэхем Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. — М.: 1991; Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки. — Отв. ред. Колчинский Э.И. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

ит в описании всех познавательных и институциональных форм такого контроля в прошлом и настоящем России. С точки зрения генезиса язык социальных наук есть разновидность религиозного языка. А по функциям — модификация бюрократического языка, образующего основу современного стиля политического мышления.

Таким образом, структуралистская концепция нации позволяет расчистить почву при обсуждении проблем нации, национализма и национальных интересов. Ни русский язык, ни православная религия не связаны с русской нацией как территориальной общностью и Российским государством в его имперской, советской и современной формах. Любое постулирование такой связи оправдывает отождествление интересов госаппарата с интересами населения. Язык журналистики не может быть использован при обсуждении данной проблемы, поскольку как раз журналистский корпус насаждал представление о нации как онтологической реальности.

Язык социальных наук все же может быть использован. Прежде всего потому, что никакого другого нет. Однако лишь в той степени, в которой юридические, экономические, демографические, этнографические, историографические, социологические и политологические концепции противостоят интересам госаппарата и не могут быть использованы в процессах политической манипуляции обществом. В этом и состоит главная когнитивно-политическая проблема. Она далека не только от решения, но и от трезвого осознания.

Для усиления такого противостояния, безусловно, надо переосмыслить следующие элементы бюрократического национализма: имперскую систему образования; иерархию как социальное и политическое отношение; манипулятивную роль столицы в стране; идею абстрактного (безличного) и персонифицированного государства; русский государственный макиавеллизм; концепции социального и политического организма; историографические концепции, обосновывающие особую роль государства в истории России; идею «образца» при сравнении различных стран и регионов внутри страны; региональные идеологии, поскольку они укрепляют центр-периферийные связи; связь административных и политических единиц с понятиями родины, отчизны, отечества; связь религиозного сознания с политическим.

Не надо специально доказывать, что все перечисленные феномены пронизывают современную форму существования людей на территории, обозначаемой на картах как «Российская Федерация». Как от них освободиться? Это вопрос особый. По крайней мере, концепт бюрократического национализма меняет набор теоретических проблем при обсуждении состояния и перспектив развития страны. Я имею в виду проблемы суверенитета, права наций на самоопределение, сепаратизма, отношений между нацией как абстрактной общностью и народом как множеством эмпирических индивидов, роли аннексий и перераспределения в существовании современных государств, классических и современных форм расово-этнической и национально-политической дискриминации, сравнения познавательного и политического значения аргументов в пользу того или иного пути развития наций и т.д.

За последнее десятилетие возник целый ряд новых и нетривиальных подходов к обсуждению данных проблем. Подобно структуралистской концепции нации, они фиксируют кризисные явления в современном развитии общества и стремятся выйти за узкие границы всех идеологий. Моя статья — частный случай иллюстрации одной из таких попыток.